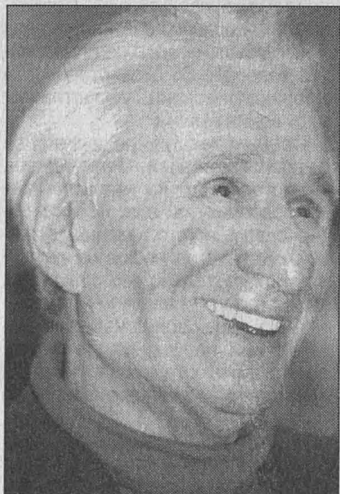

Александр Моисеевич ВОЛОДИН

Движущей силой жизни писателя Александра Володина был стыд. В начале 80-х мы сидели в ресторане ЦДЛ с ним и с Ефремовым, речь шла о Чехословакии, в которую его пригласили, а он отказался поехать. По тем временам это был поступок. На вопрос почему, свел свои голубые глазки, и так-то узко поставленные, прямо к переносице и тихо ответил: "Не могу я туда ехать после того, что мы там наделали". Ему было неловко сидеть в театре во время батальных спектаклей. Невозможно, когда актеры стучат громко каблуками по настилу сцены. "Мы на войне мечтали услышать этот звук, но его просто не было в природе. На войне не стучат каблуками по полу". Ему было стыдно, когда капитан орал на него, пойманного в самоволке. Он бежал на свидание, капитан орал, а он просил его только об одном: "Пожалуйста, товарищ капитан, не кричите, я все равно уйду, но ведь нас штатские люди слышат". А капитан готов был его ударить или даже застрелить, потому как вышел указ, разрешающий начальникам физичес-

ки воздействовать на непослушных бойцов. Среди многих наших указов этот он ненавидел с особой силой.

Чувство стыда он вносил в то, что писал. В то, как относился к им написанному. Он позвонил мне домой после того, как один мхатовский режиссер решил поставить его давнюю притчу. Умолял отказаться от его пьесы, потому что она ничего не стоит, слаба, ее надо полностью переписать. Я твердил обратное, но он и слышать не хотел. Потом Ефремов ему звонил, убеждал поверить в себя и в то, что он написал. При этом он знал свою силу. В каких-то ситуациях он был тверд как камень, мог в подпитии и даже без него послать далеко-далеко любого начальника, который пытался внушить ему, как надо писать о советских людях. Советских людей он понимал как мало кто другой. Он был лирическим центром военного поколения, голос которого был слышан только после смерти Сталина. С его "Фабричной девчонкой", с его "Пятью вечерами" и "Назначением" началась наша скоротечная "оттепель". В поэзии был Булат Окуджава, в драме Александр Володин. Его излюбленный герой — абсолютно штатский, рядовой, не общественный интеллигентный человек, который пытается жить по совести. Он хотел бы всех осчастливить — жену, любовницу, всех остальных женщин на свете, ему это никак не удастся, и он бежит и бежит по кругу бесконечный свой марафон. Через его "осенний марафон" вся страна чуть-чуть очеловечилась. Он был счастлив друзьями, никогда ими не хвалился, но строчки Булата, ему посвященные, вспоминал не раз и с особой гордостью. "Слышно, времечко стекает с кончика его пера". С понедельника 17 декабря 2001 года уже не стекает.

Анатолий СМЕЛЯНСКИЙ

Кучибабурд-2001-до-26 дек-с.2